

К 90-летию Герольда Бельгера

Герольд БЕЛЬГЕР

МИМОХОДОМ

Мите только пять годков, а в тубинституте он уже полгода. У него туберкулез костей, и ему сделали сложную операцию: резекцию тазобедренного сустава. Он весь закован в гипс. Только ручки свободны, да русая головка торчит из гипсовой повязки.

Няни, сестры, жалея мальчишку, носят его, закованного, осторожно на руках. Он тихий, глаза большие, печальные, точно застывшие от боли и недоумения.

Понять окружающий его мир он не может.

Раз в неделю приезжает к нему из области мама. Мальчик смотрит на неё отчужденно, строго и вдруг говорит:

– Я тебя не люблю, мама!

– Почему, Митенька?! – Мама бледнеет, по щекам её катится градина слез. Голос её срывается.

– Потому что ты тоже меня не любишь... – холодно отвечает Митя.

– Митенька... милый... сыночек мой... ну, откуда ты взял?! – силится улыбнуться мама.

– Любила бы – у меня бы ножка не болела...

Мама, зажимая судорожно рот, как подбитая, опускается на краешек кровати. Плачут и сестра, и няня. Только Митя строго и отрешенно глядит мимо, в потолок.

1974

На остановке, недалеко от кафе, мальчишка лет пяти с завистью смотрит на сверстника, которому бабушка купила мороженое. Цена, конечно, фантастическая: не каждый родитель раскошелится ныне на такое лакомство.

Мальчик смотрит, смотрит, облизывает губы и спрашивает маму:

– У нас на мороженое совсем денег нет?

– Ты же знаешь, – сдержанно отвечает молоденькая мама. – Нет, конечно.

Мальчик вздыхает, молчит, смотрит на того, кто лакомится мороженым.

– Мама, а на половинку мороженого тоже у нас денег не осталось?

– Нет, не осталось, – мрачней, отвечает мама.

Мальчик опять молчит. Глаза его становятся влажными и грустными. Потом смотрит на мать. Видит, что и она опечалена. Тогда он говорит, утешая маму:

– Ну и ладно. Нельзя ведь есть мороженое в общественном месте и в транспорте.

1992

Ментальность

Все эти дни читаю своему племяннику Артуру (пятый год) сказки братьев Гримм. И он проникся духом той атмосферы. И всё понятно: поступки героев, их поведение, манеры, их образ мышления, весь антураж, вся стихия. А сегодня из сборника «Сказки народов мира» прочел я случайно туркменскую сказку «Сорок небылиц». И полное недоумение. Другой мир. Другая обстановка. Другие герои: Дэв (дию), падишах, его дочка, кто-то кого-то убивает, режет, мальчик превращается то в барана, то в коня, то в верблюда-самца. А отец мальчика продает его на базаре, и сын вновь оборачивается человеком, и то, что он так ловко дурачит базарный люд, вроде преподносится как достоинство. Словом, всё странно, всё чуждо. И без предварительной подготовки, без иного настроения, без какого-то особого восприятия инобытия сходу всё это не воспринимается ребенком. Да и мне, знакомому с азиатским бытом, с данным менталитетом, было как-то неловко читать всё это.

А ведь с подобным приходится сталкиваться и преподавателю казахской литературы в русских школах. Он неизменно наталкивается на отчуждение, на сопротивление, на нежелание воспринимать этот эстетический мир. Вот учитель читает Махамбета. И всё ученику непонятно. И дух времени, и неистовость, и «верблюжий» и «солончаковый» словарь, и сравнения, и обилие нерусских слов. Иногда даже нелепо, несуразно. Или казахский фольклор. Многие кажутся смешными. В классе русские ребята хохочут, дети-казахи смущенно опускают головы. И переводы топорные, ужасные. И учебник – сущий кошмар. Казенщина и примитив. Переход от русской литературы к казахской воспринимается трудно, сложно. Нужно подготовить почву для восприятия инобытия. Нужно просвещать душу. И в этом весь секрет.

Или вот стихотворение узбекского поэта Куддуса Мухамади:

Повар

*Я нарезал сам морковь,
Вымыл рис, принес казан.
Первый раз сегодня плов
Я решил сготовить сам.*

*Брызжет масло в казане,
Жарится в нём мясо...
Приходите все ко мне,
Если плов удастся!*

Как воспримет это ребенок центральной России? Или немец? Скорей всего, никак. Или равнодушно. Отчужденно. Чтоб такое адекватно воспринять, необходимо подготовить душу.

*Декабрь, 1988
Ташкент*

У Конфуция спросили...

У Конфуция спросили: «К чему должен стремиться прежде всего правитель?» Конфуций ответил: «Первое: заботиться о том, чтобы народ был сыт. Второе: заботиться о вооружении, чтобы оберечь страну. Третье: заботиться о том, чтобы народ не лишился веры».

Тогда кто-то из учеников спросил мудреца: «А чем можно жертвовать в исключительном случае?» Мудрец ответил: «Человек – разумное существо. В крайнем случае можно всегда договориться. И тогда можно отказаться от вооружения».

Конфуция спросили: «А если нужно выбрать лишь одну из оставшихся двух задач?»

Конфуций задумался, потом сказал: «Отказаться следует от сытости, от еды. Оставить нужно веру. Без веры всё остальное не имеет смысла».

Прошу эту притчу проецировать на наше общество и поразмышлять на эту тему.

Хабар

Мне нравится слово «хабар». Звучное. С хрипотцой и рыком. И смысл добрый – вести, новости, молва.

А вот в русском языке «хабар» употребляется в смысле «взятка». Говорят и пишут: «он дает хабар», «он берет хабар», «он хабарит». И т. д. То есть, «берет на лапу». Примеров в литературе немало.

Но, разумеется, хабар хабару рознь. Я же и в мыслях допускать не могу, что наш «Хабар» хабарит. Он только сообщает новости.

На шарап

Наткнулся в «ЛГ» на выражение «Публика пошла на шарап». Что такое? Откуда?

Шарап – по-казахски вино. Удивился и заглянул в словарь Даля. Оказалось: шарап – грабеж, разграбить, расхватать по рукам, что кому попадет.

Подобное я видел на писательских банкетах в Москве еще в советскую пору. Литераторы (особенно столичные) откровенно шли на шарап: хватали всё, что было на столах во время правительственного приема, и пихали в свои «дипломаты». У нас, провинциалов, глаза полезли на лоб. Мы, конечно, знали, что такое шарап, но не знали, что такое «идти на шарап».

Обретая независимость, мы стали это видеть повсеместно. Особенно мощно идут на шарап наши власти предрержащие. Всё сметают на своем пути.

Кто всегда прав?

Известно: мужчина всегда прав, а женщина никогда не ошибается. А наши правители сочетают в себе одновременно и мужское, и женское качества. Они всегда, везде и всюду исключительно правы и не ошибаются никогда.

* * *

Не знаю, может, я не прав, но кажется мне, что необходимо в обществе выработать презрение к власти денег, наживе и денежным мешкам.

